

**В.Т.Логинов,
доктор исторических наук,
"Горбачев-фонд"**

Столыпин как реформатор

На прошлогодних чтениях, при обсуждении столыпинских реформ, была сформулирована мысль, которая признана достаточно широко: "...едва ли не главным условием осуществления любой реформаторской программы, особенно комплексной и достаточно радикальной, является *сильная власть* и наличие у правящих верхов *политической воли*"¹ (курсив мой. — *В.Л.*). Итак, необходимы сильная власть, политическая воля и еще третий элемент: научная обоснованность. Говоря об аграрной реформе Столыпина, А.П.Карелин, в частности, писал, что она "была в научно-экономическом и политическом отношениях вполне реальна и в чем-то даже прогрессивна. Реализация ее... могла бы, видимо, снять проблему революции"².

---

¹ Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И.Заславской.. П.: МВШСЭН, 2000. С. 44.

² Там же. С. 40.

И сама фигура Столыпина, казалось бы, идеально подходила для подобного рода реформ. *Во-первых*, он появился как бы "ниоткуда", из российской глубинки, а не из привычной дворцовой камарильи и дискредитировавших себя прежних политических деятелей. *Во-вторых*, он был молод — 44 года. Как писал Крыжановский: "Он первый внес молодость в верхи управления, которые до сих пор были, казалось, уделом отживших свой век стариков"¹. *В-третьих*, он производил впечатление человека жесткого и решительного, "сильной личности", способной навести "порядок". И его поведение на посту саратовского губернатора, казалось бы, подтверждало это. *В-четвертых*, он умел четко и лапидарно излагать свои мысли, что в эпоху нарождавшейся "публичной политики" было особенно ценно. Во всяком случае, его изречения и теперь с восторгом повторяют наши государственные деятели.

Позднее выяснилось, что многие из этих характеристик оказались достаточно спорными. И вовсе не "ниоткуда" появился он, ибо связи П.А.Столыпина с "семьей" Государя были достаточно прочны. И совсем не был он столь решительным и бескомпромиссным. Но наличие *политической воли* и *сильной власти* в его руках — несомненно. Точно так же, как несомненно и наличие *обоснованной программы*, независимо от того, кто первым ее сформулировал — Н.Х.Бунге, И.В.Гурко или А.В.Кривошеин. Известно лишь, что еще будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, он не раз навещался из родового поместья Колноберже в соседнюю Пруссию, дабы воочию убедиться в преимуществе хуторской системы. Жаль, не обратил он внимания на то, что и в Пруссии переход от общины к хуторам занял 100 лет.

И все-таки одного элемента не хватало — учета того, что думает по этому поводу сам "объект реформирования" — крестьянство России. Сегодня отношение к народу как к "быдлу" перестало быть признаком *неинтеллигентности*. Во всяком случае, при обсуждении вопроса о государственном гимне многие наши интеллигалы писали об этом открыто и не стесняясь.

Между тем крестьяне независимо от агитации левых партий имели свое представление о "счастье" и желаемых переменах. И связывалось оно прежде всего с ликвидацией помещичьей собственности. Но поскольку П.А.Столыпина призвали к власти именно для того, чтобы не допустить "черного передела", мнение "быдла" решили игнорировать. Поэтому насилие и стало составным элементом реформ.

Сегодня к масштабам столыпинского насилия, сравнивая его с некоторыми страницами последующей истории, относятся несколько иронически. Подумаешь, 1102 человека казнили военно-полевые

---

¹ Государственная деятельность П.А.Столыпина. Сборник статей М., 1994. С 56, 57

суды в 1906-1907 гг.; 2694 человека повесили в 1906-1909 гг. по приговору военно-окружных судов; столько-то тысяч расстреляли без всяких судов карательные экспедиции Раниенкампа, Меллер-Закомельского, Орлова; 23 тыс. отправили на каторгу и в тюрьмы; 39 тыс. выслали без суда; сотни и сотни тысяч подвергли обыскам, арестам и приводам в участки... По сравнению с тем, что было потом, — всего ничего... Но современникам-то приходилось сравнивать с тем, что было *до того*, а за предыдущие 80 лет казнили в среднем "лишь" по 9 человек в год¹. И не случайно выдавший виды российский обыватель с горечью повторял: "При Плеве куда легче было!"

Но подлинные масштабы насилия проявились именно при проведении аграрной реформы. По закону передел земли в общине происходил раз в 12 лет. С 1908 г. переделы стали постоянными, ибо по новому закону их производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделить надел или уехать за Урал. А такой передел означал *передвижку всех крестьянских земель*. Между губернаторами шло открытое соревнование за процент "выделившихся", и они принуждали крестьян силой. И это касалось уже не тысячи, а *миллионов*...

Один из губернаторов уведомлял земских чиновников о том, что "оценка их служебной деятельности, по распоряжению господина министра внутренних дел, будет производиться исключительно в зависимости от хода и постановки дела применения Высочайшего указа 9 ноября 1906 года". Министр А.В.Кривошеин выговаривал губернаторам, что местные власти составляют чрезмерные и невыполнимые планы землеустройства, тогда как "население не прониклось еще сознанием необходимости землеустроительной меры". А чиновник, отвечавший за реформу в Уманьском уезде, оправдывался, говоря, что выгонял силой на отруба, подавлял недовольных, чуть до смертоубийства не дошло, но "ведь до сего времени считалось нормальным, если при помощи дреколя одна часть общества одерживает верх над другою"².

Что же получилось из аграрной реформы?

Во-первых, она приняла принципиально *иное направление*, нежели это задумывалось ее творцами. Не выделение "сильных и трезвых", не создание слоя "крепких хозяев", которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины прежде всего "пьяных и слабых". Из 15 млн крестьянских дворов из общины вышли 26% хозяев, т.е. *четверть* (им принадлежало лишь 16% наделной земли). 40% выделенной земли сразу продали, а это четверть всей земли, перешедшей в личное владение. По данным А.П.Карелина, 2,5 млн хозяев лишь формально вышли из общины, т.е. укрепили

¹ Государственная деятельность П.А.Столыпина.. С. 11, 12

² Там же. С 26, 27.

свои наделы, но в составе общинных земель. Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед ней, реформа провалилась.

Во-вторых, оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне достаточной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т.е. жизни большинства населения России. Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома и переселявшихся за Урал, массовая продажа полосок, постоянные переделы и новое землеустройство — все это создавало атмосферу неустойчивости и всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости — по всем законам социальной психологии — рождало лишь злобу и ненависть. П.А.Столыпин хотел принести успокоение, но принес лишь новое всеобщее озлобление. Это и стало одной из главных причин глубокого *нравственного кризиса*, в который была ввергнута Россия.

П.А.Столыпин после подавления первой русской революции мечтал об умиротворении и 20-ти годах покоя. Не вышло. Не о "благостности" шла речь, а о том, что в стране вновь назревал кризис общенационального масштаба.

Он проявлялся в самых разных, порой, казалось бы, неожиданных формах. Летом 1913 г. Государственную Думу буквально сотрясали речи, направленные на необходимость усиления борьбы с "хулиганством". Во вполне лояльном журнале "Нива" по этому поводу писали:

"Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грязными волнами и наши столицы, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охватывающий всю национальную психику. Великий полуторастамиллионный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, как бы усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной опоры. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души"¹.

Обратите внимание — это писалось в 1913 г. ...

Весьма информированный и опытный интриган князь Андроников докладывал великому князю Николаю Николаевичу: «Конечно, путем репрессий и всякого рода экзекуционных и административных мер удалось загнать в подполье на время глубокое народное недовольство, озлобление, повальную ненависть к правящим, — но

Нива. 1913. № 33 С. 659.

разве этим изменяется или улучшается существующее положение вещей? ...В деревне наступает период "самосуда", когда люди, окончательно изверившись в авторитет власти, в защиту закона, сами приступают к "самозащите"...А убийства не перечесть! Они стали у нас обыденным явлением при дрящемся "успокоительном" режиме, только усилившим и закрепившим произвол и безнаказанность административных и судебных властей»¹.

А умеренный земский либерал Д.Н.Шипов писал: "...пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит или скорее не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже не может с него сойти". Наблюдая общую деморализацию общества, Шипов считал даже, что лишь новый общественный взрыв может обновить общество, и чем скорее он грянет, тем менее будет опасен².

В-третьих, как следствие всего сказанного выше, именно в этот период происходит окончательный поворот России на ту дорогу, которая приведет ее к новой революции. Реформы, как известно, бывают разные. Одни предотвращают революционный взрыв, другие — наоборот, лишь ускоряют революционный процесс, и столыпинская аграрная реформа сыграла именно такую роль.

Аграрная реформа сделала то, чего не смогла сделать революция. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности и о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью. И не случайно наиболее умные и богатые крестьяне, на которых рассчитывал П.А.Столыпин, остались в общине. Так же не случайно и то, что даже самые "правые" крестьяне, как только в Думе речь заходила о земле, фактически выступали с программой "черного передела". Член Государственного совета М.В.Красовский, выступая на Госсовете с докладом по указу 9 ноября, с горечью отмечал: "Оказалось, что вместо степенных мужиков, которых думали получить в Думу в качестве представителей крестьянства, явилась буйная толпа, слепо идущая за любым руководителем, который разжигает ее аппетиты. Тех консервативных начал, охранителем которых считалось наше крестьянство, в нем не оказалось"³.

Весь опыт восьми лет реформы показал крестьянам, что ждать решения аграрного вопроса от власти — бессмысленно. И это не было случайностью. Один из основоположников современной за-

---

¹ Государственная деятельность П.А.Столыпина... С. 141.

² Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность... С. 43, 44.

³ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1910. Стб. 1272.

падной социологии Питирим Сорокин, говоря об отличиях реформы от революции, на первое место поставил следующий признак: реформа должна соответствовать **"базовым инстинктам"**, менталитету данного народа, его представлениям о добре и зле. Если реформа не соответствует данному условию, она обречена, и мирный выход из кризиса маловероятен.

Как же после этого относиться к тем, кто писал об искусственно навязанном стране "социалистическом выборе", который удался якобы лишь благодаря случайному стечению обстоятельств, возникших в ходе первой мировой войны.

В начале 1914 г., за полгода до начала войны, член Государственного совета, бывший министр внутренних дел П.А.Дурново в меморандуме на имя Государя-Императора так подводил итог своим многолетним размышлениям:

"Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма.

Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое. За нашей оппозицией нет никого. У нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом.

Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта. И дальше этого их вожделения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население... — Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию...

Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению"¹.

Сегодня, когда обсуждаются назревшие, перезревшие и все-таки нерешаемые проблемы народной жизни, чаще всего опасаются "новой диктатуры". Не этого надо бояться. Нежелание считаться с настроениями и волей народа — это прямой путь к широкомасштабным социальным потрясениям. Как говаривал "первый тенор" Партии народной свободы Федор Родичев: "Предупреждайте счет, который народ предъявляет власти. Платите по нему вперед. Он будет вам стоить дешевле".

---

¹ Красная новь. 1922. № 6. С. 178-179.